

МАРГИНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ РЕЧИ**Светлана С. Шляхова****Пермский государственный педагогический университет,
Пермь, Россия***Key words:** marginal forms, unintelligible language, glossolalia.**Summary:** This article needs to overcome a certain difficult concepts: marginal forms of spoken language, area of their function, main characteristics, and specific nature of genre.

Для описания «экстравагантных» (по Цв. Тодорову) дискурсов (заумь, речь бредовых и трансовых состояний, «квазиязыки» футуристов, обэриутов, постмодернистов и пр.) традиционных подходов оказывается недостаточно, поскольку системность этих языков имеет другую – маргинальную – природу.

В философии культуры маргинальность характеризует специфичность различных культурных феноменов, не вписывающихся в современную им господствующую парадигму мышления и, тем самым, часто обнажающих противоречия и парадоксы магистрального направления развития культуры (Ф. Ницше, маркиз де Сад, Л. фон Захер-Мазох, А. Арто, Ж. Батай, С. Малларме). Проблема культурной маргиналии приобретает особое значение в философии постструктурализма и постмодернизма («шизоанализ» Ж. Делеза и Ф. Гваттари, «генеалогия власти» М. Фуко, «деконструкция» Ж. Деррида). В ризомном постмодернистском мире стираются границы структур, а маргинальное пространство, существующее вне этих структур, но между их границами, меняет свой пограничный статус, размывая семантику маргинальности и утрачивая специфику своего паракультурного существования (Новейший философский словарь, 2001: 594). И.П. Ильин (1998) обосновывает существование единого комплекса представлений постмодернизма,

* © Шляхова С.С., 2010.

деконструктивизма и постструктурализма, где, прежде всего, отрицаются понятия **норма, центр, доминантность**, на смену которым приходят понятия **инаковость** и **равноправие «другого»**. Во французском структурализме «маргинальный субъект», «маргинальное пространство» возникают в «просвете», в «зазоре» между структурами и обнаруживают пограничную природу при любом изменении, сдвиге или взаимопереходе структур.

Маргинальные языковые формы образуют **«другую» речь**, под которой понимается особый вид коммуникации, связанный со специфическими коммуникативными функциями и пространством, где на первый взгляд знаковое пространство не вычленяется, линейный звукоряд представляется хаосом, который, однако, порождает сложный внутренний порядок. Это естественный человеческий коммуникативный код; реальная, и в определенной мере стабильная знаковая система, используемая в некоторых социумах, времени и пространстве, первичной субстанцией которой является звуковая (акустическая) материя. Однако звуковые проявления «другой» речи шире инвентаря фонем. Доминантной формой «другой» речи является заумь. «Другая» речь в современной синхронии понимается как маргинальная форма существования языка и как альтернативная подсистема языка в целом, которая всегда имеет пограничный характер. Это маргинальная зона перехода из контролируемого в неконтролируемое, из лингвистического в алингвистическое, из человеческого в нечеловеческое, из нормального в патологическое.

Маргинальные виды и формы речи не только «расплываются» в «зазоре», «просвете» между доминантными и маргинальными подсистемами языка, но и в «зазорах» между собственными «границами». Так, на близость детской, магической и поэтической зауми указывалось неоднократно. Зыбки границы между шаманами и музыкантами, певцами, сказителями, которые считались одержимыми особыми духами. В поэтической речи (футуристы, обэриуты, постмодернисты) выделяются все составляющие зауми фольклорного и магического дискурса. Поэтическая заумь стремится лишить доминантные языковые коды их истинности, сознания и перевести их в сферу ирреального, «безумного», «доумного». Поэтическая заумь характеризуется теми же стадиями «потери рассудка», что и другие виды зауми. *«Заумь, доумь, неумь – три сестры плясали вместе»* (В. Хлебников). Маргинальный характер фольклорной зауми проявляется в том, что сложно уловить момент перехода из магии в практицизм (заговор), из обряда в забаву (загадка), из религиозного действия в фарс. Здесь, где свиты воедино религиозно-магическая,

фольклорная и литературно-поэтическая заумь, сложно вычленив автономные системы.

Сферы бытования «другой» речи: (1) ритуальный, религиозно-магический, медитативный дискурс и примыкающее к нему коммуникативное пространство (камлания, глоссолалии, заговоры, песни ведьм); (2) детская коммуникация (игровой фольклор, детская заумь – считалки, дразнилки; фольклор для детей – пестушки, потешки); (3) сфера игрового пространства вообще, прежде всего фольклорного (малые фольклорные жанры, паремии); (4) сфера измененного сознания, где проявление языка обычно понимается как «деформированный» доминирующий коммуникативный код (бред, транс, камлания кликуш и юродивых, сектантские радения); (5) поэтический дискурс (литературная заумь) как своеобразный синтез игровой и сакральной коммуникации с элементами измененного сознания.

С учетом определенной нормы состояния сознания выделяется контролируемая и неконтролируемая заумь. Так, религиозная заумь – не всегда бессознательная деятельность: глоссолалии могут продуцироваться по желанию глоссолалиста (см., Goodman, 1972; Порублев, 1995 [электр. ресурс]; Саракаева; Хазел [электр. ресурс]). Здесь, вероятно, следует говорить о переходной зоне между состоянием обычного и измененного сознания. С некоторыми оговорками это положение относится к психопатологическому и поэтическому дискурсу (см., Белянин, 2000; Руднев, 1999б; 1999в; Саракаева [электр. ресурс]). Общеизвестна лингвистическая (И.А. Бодуэн де Куртенэ, Р.О. Якобсон, Е.Д. Поливанов) и художественная (А. Крученых, Д. Хармс, В. Хлебников, А. Туфанов) экспериментальная заумь.

В коммуникативных системах «другая» речь лежит на грани между идиотической и универсальной, человеческой и нечеловеческой коммуникациями. Универсальность «другой» речи обнаруживается в том, например, что глоссолалия есть феномен человеческий, не ограниченный ни рамками христианства, ни рамками религиозного поведения. Схожие явления обычны для состояний интенсивного высвобождения эмоций. Религиозно инспирированная речь по основным характеристикам изоморфна речи религиозно неинспирированной. Сегментная структура (звуки, слоги, фразы) и супraseгментные элементы (ритм, ударения, интонация) глоссолалий надлингвистически и надкультурно идентичны (Goodman, 1972). Однако психиатры, психолингвисты и культурологи единодушны в том, что любая заумь является актуализацией языковой и культурной

доминанты (см., Зислин; Панченко, 1998; 2002; 2003 [электр. ресурс]; Цейтлин, 2000).

Маргинальные формы речи лежат в «зазоре» между лингвистическим и алингвистическим. Так, в глоссолалиях отсутствуют базовые структуры человеческого языка как системы когерентных коммуникаций (см., Samarin, 1972a; 1972в; Хазел [электр. ресурс]). Однако все исследователи указывают на ту или иную степень координации зауми с родным языком носителя: фонологическое подобие языку без последовательной синтагматической структуры; форма псевдоязыка, имеющего характер повторного произношения слогов, где выделяются макросегменты (похожие на предложения) и микросегменты (напоминающие слова и звуки) и проявляется определенный порядок ударений и интонаций (см., Samarin, 1972a; 1972в; Порублев, 1995; Саракаева [электр. ресурс]). Указывается на корреляцию глоссолалии и внутренней, детской и патологических форм речи.

Так, часто не связанные друг другом формы русской зауми (например, жанры детской и магической зауми) демонстрируют структурную однотипность: *Тыхтым-бахтым выхолзан нардын* (заговор от вспучивания); *Бахтын-кухтын назиргин-валинтын* (песня ведьм); *Бахтын-кухтым тагодан-нагодан На четыре угадан* (считалка); *Сахар-бахар четверак нюхал дедушка табак* (считалка); *Сахар-бахар-бахарак дзибон-возбон тики-так* (песня ведьм). Типы и основные мотивы бреда хорошо коррелируют с религиозно-магическим и поэтическим дискурсом (Шляхова, 2005); речевое поведение глоссолалиста (мессия, пророк, юродивый и пр.) укладывается в рамки бредового синдрома (Куперман [электр. ресурс]).

Исследователи поэтической зауми рассматривают ее как полноценный языковой феномен (Григорьев, 2000; Поливанов, 1963; Черняков [электр. ресурс]). Заумь – либо говорение на одном из известных древних или современных языков (мистическое говорение), либо «новая», нарождающаяся форма речи (поэтическая и детская речь). Однако в любом случае это в той или иной степени либо «деформированный» язык, либо «утраченные» формы, где актуализирована языковая периферия во всех ее проявлениях.

С точки зрения «деформации» естественного языка выделяется фонетическая заумь («полная бессмыслица»), наряду с морфологической (актуализация латентных словообразовательных моделей), семантической (смысловая запутанность фразы) и

синтаксической (пропуск частей предложения, своеобразное расположение, несогласованность и пр.) заумью.

Исследуемые формы речи лежат на границе осмысленного и бессмысленного, понимаемого и решительно невозможного для понимания, обнаруживая маргинальный характер этих структур как переходных. Так, в прошлом веке М. Скабаллановичем была выдвинута теория глоссолалии как метаязыка первохристианства, который превосходил языки отдельных народов и был синтетическим языком, а не только фактом экстаза и молитвенным даром (Алымов [электр. ресурс]). Подобную точку зрения на заумь высказывают и поэты, настаивая на футуристической и универсальной природе заумного языка.

Изучение маргинальных сфер человеческого бытия – одна из самых актуальных тем в современной науке. Термин «маргинальность» (введен Р.Э. Парком) в социологии обычно означает пограничное положение личности или группы по отношению к какой-либо социально-культурной общности (Новейший философский словарь, 2001: 593). В основе представлений о маргинальности лежало понятие **маргинальная личность** (Э. Стоунквист) – расовый гибрид, культурная самоидентификация которого не может быть целостной, однозначной (СЗС, 1990: 175). Лингвистика в числе первых наук, изучающих человека, обратилась к описанию не человеческого инварианта, а многочисленных вариантов, которые антропология относит к маргинальным типам. Сюда относятся *«дети и старики, женщины и дикари, дураки и сумасшедшие, алкоголики и наркоманы, инвалиды и преступники, нищие и прокаженные; вообще все непонятное, неприятное и опасное для самомнения среднего буржуа»* (Гурин [электр. ресурс]). В лингвистике давно оформились самостоятельные разделы, изучающие маргинальные типы говорящих, – теория детской речи, гендерная и суггестивная лингвистика, лингвистика измененных состояний, психопозитика, патофизиолингвистика, социопсихолингвистика и пр.

Как маргинальная личность может рассматриваться билингв, носитель креольских языков и пиджинов и пр. Маргинальными языковыми вариантами являются украинский суржик или белорусская трясанка.

Изучение маргинальных социальных объектов, разнообразных феноменов человеческого бытия и аномального поведения (Гишинский, 1993) становится одной из центральных задач в современной антропологии (Новейший философский словарь, 2001; СЗС, 1990; СФС, 1996). Показателен интерес современной науки к

измененным состояниям сознания, экстремальным и пограничным ситуациям, телесным практикам, радикальному опыту – всему тому, что может обнаружить предел возможностей, показать масштаб человеческого в человеке, указать на нечто Иное, быть местом встречи с принципиально Другим. Можно выделить общее в архаических практиках, мифологическом мышлении, философии Древнего Востока и направлениях современной западной философии, то, что можно было бы назвать «маргинальной антропологией» (Гурин [электр. ресурс]).

Понятие маргинальности непосредственно связано со специфическими духовными и интеллектуальными практиками. Функционирование маргинальных форм речи связано с подобными практиками в религиозно-мистическом (кликушество, пророчество, мистическое сектанство), фольклорном и литературном пространстве (заумь). При этом показательно, что та же заумь является материальной метой трансформации личности, нарушения психики (глоссолалии, бред, транс, другие измененные состояния).

Так, в русском мистическом дискурсе выделяется два типа экстатического говорения: (1) речь на «иностранных» языках, языкоговорение, глоссолалии; (2) артикуляторно мотивированные звукокомплексы (стоны, крики, истерический метеоризм, отрывка, судорога, дрожь) и подражаниями голосам животных и птиц (лай, ржанье, крик кукушки или петуха, мяуканье). Маргинальный характер религиозно-магической зауми проявляется в том, что она способна выполнять функции коммуникативного кода с любыми представителями «другого» мира: с Богом и Дьяволом, с высшими и низшими богами, с человеком и сверхъестественным существом.

Подобные виды маргинальных образований эксплицируют «потустороннюю» речь. Для речи нечистых типичны разного рода звуковые (часто нечленораздельные) комплексы. В фольклорной традиции восточнославянские русалки «ихают, гэкают и мыкают» (*ага-ага, огэ-огэ, шу-ги, гм-м-м, гутыньки-гутыньки*); польская смерть, нанося человеку удар, говорит «*пуль-пуль-пуль*»; русский домовый «хенькает» (*ка-хынь-хынь*); черт, козни которого раскрыты «гагайкает» (*а-га, га-га, до-га, да-ли-ся*). Кроме того, речь нечистых также являет собою «деформации» уже существующих языков: в Словакии демоны говорят на «испорченном» венгерском (*шоэ-своэ, хвоэ-твоэ, туря-күря*); песни русалок, записанные Г. Сахаровым, – это «*бессмысленные слова или звуки, отзывающиеся украинским и белорусским наречием*» (Даль, 1994: 55).

Предметом маргинальной антропологии является установление антропологических границ: границы тела человека и его сознания; границы человеческого бытия, на пределе которого начинается нечеловеческое. Только маргинальные формы речи (лепетная детская и патологическая речь) отражают физиологическое бытие человека в своем отприродном (полуживотном) смысле, на уровне которого существует маргинальная зона, переход через которую, в сущности, знаменует собою переход от полуживотного бытия к человеческому и наоборот.

Сюда же можно отнести разного рода «маргинальные» экспликации звуков физиологической жизни человека (кашель, стон, плач, смех, чихание и пр.). Знаковый характер этих экспликаций также неясен. Так, отличительной особенностью материального («телесный» – *corporeal*) звуко-символизма является неделимость на самостоятельные звуки, примитивность, междометный характер (сочетания звуков, связанные с кашлем, хрюканьем, икотой, плачем и пр.) (Hinton et al., 1994). В этом случае мы имеем дело, скорее, не с символом, а с симптомом, т.е. очередной маргинальной структурой.

Но физиологическое семиотизируется в такой степени, что выходит на гносеологический и онтологический уровень. Так, фольклорные импликации чихания рассматриваются в качестве объекта коммуникативной рефлексии. Уже в библейском и гомеровских текстах есть упоминания о чиханье, которое воспринимается как результат божественного промысла и творения, предвещающее экстраординарное событие (Богданов, 2001). Смех также переходит в ментальную, религиозную, политическую парадигму бытия. Так, в православии смех считался греховным. Еще Иоанн Златоуст заметил, что в Евангелии Христос никогда не смеется. В XVI-XVII вв. официальная культура отрицала смех, запрещала его как нечто недостойное христианина. С другой стороны, можно вспомнить физическое истребление скоморохов на Руси, а в петровское время – уже и юродивых. В восточном христианстве, в Византии, затем на Руси (с XIV в.), сложилась специфическая форма смеховой культуры – юродство. Она не имеет аналогов на Западе, в европейских языках нет слов для адекватной передачи этого понятия (исследователи обычно называют лишь один типологический аналог византийско-русскому юродивому в западной культуре – это святой Франциск Ассизский) (Панченко, 1984: 122). Данные формы бытия отмечены специфическими языковыми вариантами – косноязычие юродивых и кликуш.

На границе между человеческим и нечеловеческим формируются коммуникативные коды как с животными (слова-обращения к животным и птицам), так и потусторонним миром (через глоссолалии). Маргинальные формы речи имеют непосредственное отношение к пограничным феноменам человеческого бытия (состояние измененного сознания), пограничным фигурам (например, фигура медиатора – шаман, колдун, ясновидящий и пр. – между этим и потусторонним миром), пограничным состояниям маргиналов (транс, одержимость, радение и др.), которые отмечены определенными звуко-речевыми проявлениями.

В культурологии понятие маргинальность используется по отношению к малоконтролируемым периферийным пространствам, в которых художественная программа исторического времени проявляется в вариациях местных школ, микротенденций или в форме индивидуального специфического поиска (Шехтер, 1997). Прогресс, творческие идеи, новая практика просачиваются с окраин и исходят от слабых, маргиналов, лиминариев и отверженных. Пророки и художники имеют склонность к лиминальности и маргинальности, это «пограничные люди». Лиминальность, маргинальность и низшее положение в структуре – условия, в которых часто рождаются мифы, символы, ритуалы, философские системы и произведения искусства (Тэрнер, 1983: 198-199).

Наиболее отчетливо маргинальность в теории художественной культуры представлена в категории **переходности**, поскольку свойства переходности отличают саму природу художнического сознания. *«Переходность художнического сознания проявляется в желании заглянуть за границы уже освоенного, превзойти в каждом новом творческом жесте не только устоявшиеся матрицы и коды культуры, но и себя вчерашнего»* (Кривцун, 2002). Как великие культуры переходности рассматриваются античность и Ренессанс (см., Баткин, 1989; Пискунова, 1997).

Культурологическое понятие маргинальности как периферийной художественной программы индивидуального специфического поиска также связано с маргинальными формами речи – поэтической зауемью, которая до сих пор остается зоной недостаточной лингвистической рефлексии. Заумь обычно исследовалась в поэтике, тогда как еще Б. Эйхенбаум говорил о том, что *«футуризм есть явление больше порядка психологически-языкового, чем эстетического»* (Эйхенбаум, 1986: 327). Маргинальные художественные парадигмы (футуристы, обэриуты, постмодернисты), с трудом интерпретируемые в контексте традиционной лингвистики, определяются чаще через философию,

поскольку *«филологи не имеют средств, чтобы идентифицировать философию у обэриутов, а философы не имеют желания этим заниматься»*. Филолог, если он осознает границы собственной дисциплины, отходит в сторону, когда приходит философ и говорит: я знаю, как это понимать. Если он «приходит» (Подорога, 1993: 7, 141).

В фольклористике маргиналия – концептуальное понятие, позволяющее иметь в виду многообразие возможных описаний «фольклорной действительности»: текстов, которые могли бы стать предметом и иного анализа – социологического, литературоведческого, психологического и т.д., но при этом обнаруживают также фольклорную феноменологию. Примерами фольклорных маргиналий выступают темы игрового фольклора (акциональная и вербальная тематизация игры в жмурки в традиционной и современной культуре), медицинские и психофизиологические представления (фольклорная мифологизация курения и чиханья), а также идеологические стереотипы и образы (тема людоедства, фольклоризация повседневного быта советского человека на примере темы очереди) (Богданов, 2001). В рамках маргинальной фольклористики лежат исследования А.А. Панченко о русском кликушестве, пророчестве, мистическом сектантстве, где исследуются пограничные состояния маргиналов (состояния транса, одержимости, сна, каннибализма, радения и пр.) (Панченко, 1998; 2002; 2003). Важным здесь представляются выводы о том, что фольклорные маргиналии позволяют судить не только о характере фольклорных представлений, пронизывающих современную культуру, но и обладающих семиотической эффективностью как ретроспективного, так и прогностического порядка.

В лингвистике элементы маргинальности рассматриваются как составляющие в ареальной лингвистике (латеральная и переходная зоны), в исторической лексикографии (маргинальная глосса), в структурализме (элемент грамматики непосредственно составляющих). Маргинальность исследуется как переходность (транзитивность) / непереходность (интранзитивность); транспозиция (трансляция, грамматическая конверсия) (Бабайцева, 1991; Баудер, 1991; Малаховский, 1990 и др.). В истории лингвистики значение термина «маргинальный» (Базылев, 2001) связано с интерпретацией лингвистических концепций первой трети XX в. (фономенология Г.Г. Шпета; «школа всеединства» С.Л. Франка; В.Ф. Эрн; Л.П. Красавин; П.А. Флоренский; С.Н. Булгаков; А.Ф. Лосев; «лингвистический модернизм»; «языковедный андеграунд» А. Крученых, В. Хлебникова, А. Туфанова и др.).

В гуманитарных дисциплинах прослеживается динамика расширения объема понятия маргинальность от узкого (социологического) контекста к более широкому – гносеологическому (многообразии дискурсов, ментальностей, научных парадигм), а затем и к универсальному – онтологическому – контексту. Маргинальность предстает как внутренняя характеристика различных сфер человеческого бытия.

Объем понятия маргинальности в лингвистике ограничивается категориями *граница, переходность, периферия*, тогда как в научных исследованиях он гораздо шире: *норма / отсутствие нормы, хаос / порядок, синкретизм / амбивалентность, динамичность, человеческое / нечеловеческое / божественное, инаковость / Другой / уникальность, онтологичность, эпистемологичность, кризисность, изнанка / зеркальность, трансцендентность / непознаваемость*. В целом можно говорить о недостаточной разработанности в лингвистике идеи маргинальности как таковой.

Предмет исследования лингвистики маргиналий – те языковые пласты, которые обычно рассматриваются как несущественные для прояснения природы языка в силу их количественной незначительности и качественной неоднородности. Введение маргинальных форм речи в предмет исследования лингвистики и расширение методологической базы их анализа позволит прояснить многие аспекты бытия доминантной языковой парадигмы.

Литература:

Goodman, F. D. 1972. *Speaking in tongues: a cross-cultural study of Glossalalia*. Chicago.

Hinton, L., Nichols, J., Ohala, J. 1994. Sound-symbolic processes. in: *Sound Symbolism*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 107-113.

Samarin, W.J. 1972a. *Tongues of men and angels*. New York, NY: McMillan.

Samarin, W.J. 1972b. Variation and variables in religious glossalalia. in: *Language and Society*. № 1. P. 121-130.

Альмов, В. *Лекции по Исторической Литургике*. [электронный ресурс]: www.holytrinitymission.org/books/russian/historical_liturgics

Бабайцева, В.В. 1991. Место переходных явлений в системе языка (на материале частей речи). в: *Переходность и синкретизм в языке и речи*. Москва. С. 3–14.

Базылев, В.Н., Нерознак, В.П. 2001. *Сумерки лингвистики: из истории отечественного языкознания*. Москва.

Баткин, Л.М. 1989. *Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности*. Москва: Наука.

- Баудер. А.Я. 1991. Лексико-семантический аспект явлений переходности в системе частей речи. в: *Переходность и синкретизм в языке и речи*. Москва. С. 22–31.
- Белянин. В.П. 2000. *Основы психолингвистической диагностики: модели мира в литературе*. Москва: Тривола.
- Богданов. К.А. 2001. *Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности*. СПб.: Искусство. [электронный ресурс]: <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>.
- Гишинский. Я.И., Афанасьев, В. 1993. *Социология девиантного (отклоняющегося) поведения*. Санкт-Петербург.
- Григорьев. В.П. 2000. *Будетлянин: работы посвящ. творчеству Велимира (Виктора Владимировича) Хлебникова*. Москва: Языки русской культуры.
- Гурин. С.П. *Маргинальная антропология*. [электронный ресурс]: <http://psy-games.narod.ru/margin/dir.htm>.
- Даль. В.И. 1994. *О повериях, суевериях и предрассудках русского народа: материалы по рус. демонологии*. Санкт-Петербург: Литера.
- Зислин. И. Психиатрические подходы к мистическим и религиозным психозам. в: *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. [электронный ресурс]: <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>.
- Ильин. И.П. 1998. *Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа*. Москва: Интрада.
- Кривцун. О. 2002. Художник XX века: поиски смысла творчества. в: *Человек*. № 2. С. 38-53.
- Куперман. В., Зислин, И. Структура бредового текста: work in progress в: *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. [электронный ресурс]: <http://ivgi.rsuh.ru/folklore/publications.htm>
- Малаховский. Л.В. 1990. *Теория лексической и грамматической омонимии*. Ленинград: Наука.
- Новейший философский словарь*. 2001. Минск.
- Панченко. А.А. 2003. Кликота и пророчество. в: *Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика*. [электронный ресурс]: <http://www.ruthenia.ru/folklore/panchenko1.htm>.
- Панченко. А.А. 1998. Заметки и материалы к исследованию фольклора русских мистических сект. в: *Мифология и повседневность: материалы науч. конф., 18 – 20 февраля 1998 года*. Санкт-Петербург. С. 154-156.
- Панченко. А.А. 2002. *Фольклор и религиозная культура русских мистических сект (XVIII – начало XX вв.)*: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург.
- Панченко. А.М. 1984. Смех как зрелище. в: *Смех в Древней Руси*. Москва. С. 118-132.
- Пискунова. С. 1997. Испанское Возрождение как культура переходного типа. в: *Вопросы литературы*. № 6. С. 153-174.
- Подорога. В. 1993. К вопросу о мерцании мира. в: *Логос*. № 4. С. 139-150.
- Поливанов. Е.Д. 1963. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники. в: *Вопросы языкознания*. № 1. С. 98-105.

- Порублев. Н.В. 1995. *Феномен глоссолалии*. Мельбурн. [электронный ресурс]: <http://www.blagovestnik.org/books/001555>.
- Руднев. В.П. 1999а. Психотический дискурс. в: *Логос*. № 3. С. 113-132.
- Руднев. В.П. 1999б. Смысл как травма: психоанализ и философия текста. в: *Логос*. № 5. С. 155-169.
- Руднев. В.П. 1999в. Шизофренический дискурс. в: *Логос*. № 4. С. 21-34.
- Саракаева. Э.А. *Глоссолалия как психолингвистический феномен*. [электронный ресурс]: http://evolkov.iatp.ru/linguistics/Sarakaeva_E.A./glossolalia.html.
- СЭС 1990. Современная западная социология: словарь. Москва.
- СФС 1996. Современный философский словарь. Под общ. ред. В.Е. Керимова. Москва: Одиссей; Бишкек; Екатеринбург.
- Тэрнер. В. 1983. *Символ и ритуал*. Москва: Наука.
- Хазел. Г. *Дар языков*. [электронный ресурс]: <http://mnogoknig.narod.ru/b3/tangue>.
- Цейтлин. С.Н. 2000. *Язык и ребенок: лингвистика дет. речи*. Москва: Владос.
- Черняков. А.Н. Заумь как лингвистический феномен. в: *Поэзия авангарда. Исследования о русском авангарде*. [электронный ресурс]: <http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ff/index.html>.
- Шехтер. Т.Е. 1997. Маргинальный статус художественной культуры. в: *Метафизические исследования*. Вып. 4. С. 57–81.
- Шляхова. С.С. 2005. «Другой» язык: опыт маргинальной лингвистики. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т.
- Эйхенбаум. Б.М. 1986. *О прозе; О поэзии*. Ленинград: Худож. лит.